

Научная статья
УДК 303.02
doi: 10.17223/26188422/16/4

Принцип личности VS долг журналиста? К проблеме этических исследований журналистской деятельности

Светлана Каимовна Шайхитдинова¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, svet1206@yandex.ru

Аннотация. Охарактеризованы три сегмента научного дискурса, которые тематически связаны с этикой. Первый представлен теорией социальной ответственности, второй – деонтологией журналистики, третий – этическими теориями. Дегуманизация жизни обострила потребность в этической рефлексии медиапроцессов. Однако исследования журналистики, лишенные этической предметности, не обладают, по мысли автора, нужным потенциалом. Этика профессии ассоциируется исключительно с долженствованием и нормативными требованиями. Сложность нравственного выбора личности остается в стороне.

Ключевые слова: социальная ответственность, долг журналиста, нормы этики, парадигмальная замкнутость, автономная личность

Для цитирования: Шайхитдинова С. К. Принцип личности VS долг журналиста? К проблеме этических исследований журналистской деятельности // Вопросы журналистики. 2024. № 16. С. 53–77. doi: 10.17223/26188422/16/4

Original article
doi: 10.17223/26188422/16/4

The principle of personality vs journalistic duty The issue of ethical research in the field of journalism

Svetlana K. Shayhitdinova¹

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, svet1206@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the approaches, positions and concepts of scientific theories, which, according to the author, form dominant positions in Russian communication studies appealing to ethical normativity. Three segments of scientific

discourse are characterized, which are thematically related to ethics. The first is represented by the theory of social responsibility of the press; the second by the deontology of journalism; and the third by ethical theories. The internal logic of the development of these segments, as well as the peculiarities of their assimilation in Russian conditions, in the author's opinion, led to the fact that in the dominant concepts and terminology the emphasis is not in favor of the individual. Namely, the theory of social responsibility with its idea of self-regulation of the professional community has not received real support in the conditions of the Russian economy; the deontology of the profession and the theory of morality associated with domestic culture are focused on the modality of duty. The author believes that the observed trend towards total systemic determinism, which excludes spontaneous practices, does not contribute to the development of heuristic possibilities of the "ethics of good" and views based on faith in the creative potential of a sovereign person. Ignoring the principle of personality leads to the fact that the concept "journalist's duty", professional ethical and other norms of public communication are represented by a set of requirements and responsibilities that are perceived by practitioners as "external". This situation has a negative impact on the media. They create conditions for the formation of a mediacracy that hides manipulative activities alienated from the "human situation" behind compliance with the professional "protocol". The conclusions are illustrated by case studies of information disputes considered by the author as an engaged expert of the Public Collegium on Complaints against the Press (Moscow). According to the author, it is necessary to return ethical objectivity to media research. In methodological terms, this can be facilitated by a situational approach and "qualitative" research.

Keywords: social responsibility, journalist's duty, ethical norms, paradigmatic isolation, autonomous personality

For citation: Shayhitdinova, S. K. (2024) The principle of personality vs journalistic duty? The issue of ethical research in the field of journalism. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 16. pp. 53–77. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/16/4

В некогда популярной у российского читателя работе «Универсальный журналист» ее автор Дэвид Рэндалл писал: «Одно из самых распространенных лицемерных утверждений гласит, что освещение событий в газете определяется стилем этой газеты и чем-то под названием "ценность информации" <...>. Если бы все и впрямь было так просто!» Далее он говорит о влиянии «ценностей» владельца, тех, кто контролирует, а также ценностей журналистской культуры и аудитории [1. С. 13–14]. Суждение о том, что «все не просто», можно дополнить результатами проведенного в конце 1990-х гг. на факультете журналистики МГУ исследования. Оно свидетельствовало, что 24 % опрошенных в ответе на открытый вопрос «какими качествами должен обладать

современный российский журналист прежде всего» в первой строчке указали честность, порядочность, совесть, нравственность (в 50-е и 60-е гг. качества этого ряда указали 40 %, в 70–80-е гг. – 30,1 и 33,8 % соответственно). 13 % отметили приоритет профессионализма, 10 % – оперативности. Комментируя эти данные, Л. Г. Свитич заметила, что «время часто ставит перед журналистом дилемму: сохранить объективность и честь или продать, писать по заказу и забыть про этику профессии» [2. С. 188–189].

Спустя десятилетия обозначенная проблема обретает новую остроту. О разрушении нравственной состоятельности профессии журналиста говорят этики [3]. Практики свидетельствуют о потере ценностных ориентиров [4–6]. Теоретики медиадеятельности и социологи указывают на «узкие места» в современных трансформациях гуманитарных профессий [7–9].

В контексте вызванных современной цивилизацией процессов дегуманизации общественной жизни, а также в условиях интенсивного формирования интерактивной цифровой среды наиболее актуальное направление этических исследований медиа задано потребностью в этической рефлексии проблемы сочетаемости свободы информационного поведения и его рамок. Однако приходится констатировать, что в российской журналистике эта тема не популярна. С нашей точки зрения, такое положение дел отчасти поддерживается господствующими в отечественных гуманитарных знаниях представлениями. В предлагаемой публикации рассмотрим, как эти представления проявляют себя в журналистском дискурсе. Заданной целью определен объект изучения в виде подходов, положений и концептов научных теорий, которые, как нам видится, формируют доминирующие в данной сфере позиции. Предмет изучения определен этическим аспектом.

Теория социальной ответственности прессы: акцент на саморегуляции

Моральные проблемы жизнедеятельности человека выступают на передний план в определенных общественных сферах тогда, когда возникает необходимость обозначить рамки этой жизнедеятельности. С началом постсоветского периода социальный запрос на такие «рамки» для медиасферы поступил в первое же пятилетие перестройки: необходимо было найти цивилизованные формы публичной

коммуникации. Это было время профессионалов – социальные медиа еще не вышли на информационный рынок. Формировались новые медиаотрасли, формировалась новая журналистика. Теория откликалась смелыми концепциями и терминами. На этом направлении было немало научных работ и выдающихся имен. Мы отметим его пунктирно. Важно, что в тот период в российской журналистике, векторы модернизации которой несколько десятилетий определялись партийным аппаратом, сложилась ситуация выбора между разными моделями развития. Ряд книг и статей по заданной теме с анализом некоторых из них приведен в работе «Журналистика соучастия» [10]. Выбор моделей развития определялся в годы перестройки тремя возможными ипостасями журналистики – быть ли ей «властью», «зеркалом» или «служанкой» [11]. Изучался опыт рыночных обществ. В том, что касалось СМИ, внимание привлекал институт саморегуляции прессы. В ряду переводной литературы популярность завоевала книга «Четыре теории прессы» [12], в которой представленные концепции дискурсивной организации СМИ выстраивались в линию исторически закономерной смены доминирующего типа субъектности в медиасфере. Привлекательным было и то, что вершиной движения от авторитарной модели представлялась концепция социальной ответственности журналиста, в которой СМИ, наделенные миссией в отражении общественного мнения, рассматривались как «четвертая власть». То есть личность профессионала получала право заявить о себе на институциональном уровне. Требуемое для этого условие – освоение норм профессиональной этики, – воспринималось как указание на «правила игры» [13].

Таким образом, постсоветские этические исследования журналистики ввели в свой терминологический аппарат ряд опорных понятий: социальная ответственность, долг журналиста, кодексы этики, четвертая власть, миссия профессии. Это не означает, что теоретики журналистики ранее не использовали данного рода понятия. Это значит, что понятия обрели системную целостность, определив на деонтологических основаниях нормативный характер исследований медиасферы в этическом аспекте.

Подводя своего рода итоги первого постсоветского десятилетия, И. И. Засурский отметил, что важнейшей особенностью дискурса того времени было то, что он носил сугубо концептуальный характер – дискуссии проходили в неизжитом идеологическом пространстве времен холодной войны, но в противостоянии России и Запада поменялись

знаки. Научные изыскания отражали это положение дел, обращаясь к опыту «рыночного и демократического Запада» как к «единственно возможному будущему и нашей конечной цели». «Видения трансформационной утопии» «разительно» не соответствовали действительности [14. С. 10–12].

Косвенным подтверждением этих наблюдений стали высказывания теоретиков журналистики, опубликованные десятилетие спустя. Размышляя над процессом и структурой социальных изменений в стране, И. Д. Фомичева замечает, что необходимо защитить правомочность проведения «теста на модернизацию» применительно к России. «Что, если это не ее путь? <...>. Практика последнего десятилетия показала – общий характер движения в ходе развития не изменился (“шаг вперед, два назад”))» [15. С. 15–18]. Годом ранее в названии первой главы коллективной монографии исследовательского проекта ГУ ВШЭ резюмировалось: «Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно». Анализируя содержательное наполнение понятия «гражданское общество», И. М. Дзялошинский отметил, что в России само понятие «гражданин» никогда не содержало европейских коннотаций. Гражданственность у нас стала признаком (и уделом) определенной группы людей, рассматривающих себя носителями всех прогрессивных идей [16. С. 11–12].

Вопрос о том, что концепты и термины, как бы заново освоенные в 90-е гг. в отечественном журналистском дискурсе в контексте теории социальной ответственности прессы, со временем наполнились новыми смыслами, требует отдельного рассмотрения.

Различие взглядов на проблему моральной регуляции журналистской деятельности в научном ключе определяется в самом общем виде двумя подходами – структурно-функциональным и феноменологическим. Первый ориентирован преимущественно на горизонтальный (социологический) срез социальных коммуникаций, второй – на вертикальный (гносеологический). Также их можно обозначить как подходы «объективистов» и «субъективистов», представляющих соответственно объектоцентристскую и субъектоцентристскую научные парадигмы. У каждого из подходов есть свои преимущества и свои тупики. В свое время они были рассмотрены нами как характеристики американской и российской моделей этических исследований СМИ [17. С. 25–31]. Было отмечено, что структурно-функциональный подход к моральному регулированию в меньшей степени связан с моральным

измерением, в большей – с организационной культурой и правом. В связи с этим такой подход обладает несомненным инструментальным потенциалом – нацелен на выработку поведенческих стандартов. В то время как феноменологический подход ориентирован на личностное самовыражение творческого субъекта. Представляется, что именно эту интенцию можно обнаружить в произведениях российских публицистов-писателей. Нравственными критериями деятельности в этой парадигме выступают уже не столько правила, принципы отношений, сколько добродетели, олицетворяющие черты творца, который своим искренним словом вдохновляет других, ведет их за собой.

Концепция социальной ответственности прессы, несомненно, основывается на первом подходе. О ее утилитаристском характере пишет Эдмонд Ламбет, назвавший доклад комиссии Хатчинса самым важным документом о средствах массовой информации в двадцатом веке [18. С. 26–27]. Этические правила должны были примирить установку на мажоритарность («наибольшее благо – наибольшему числу людей») и кредо либертарианства, олицетворявшего ценности свободного предпринимательства. Представляется, что по своей сути доклад комиссии Хатчинса был ориентирован на прецеденты, порожденные противостоянием кейнсианства и монетаризма в годы кризиса 30-х гг. XX в. в западном обществе, когда в ответ на идеи о необходимости вмешательства государства и профсоюзов в регулирование бизнеса его представители выдвинули идею саморегуляции. Впоследствии была реализована доктрина «социального рыночного хозяйства», принципы которой закреплены в конституциях некоторых европейских стран [19. С. 7]. Будучи конкретизированы для бизнес-компаний, принципы находят выражение в таком понятии, как «миссия организации», которое концептуализирует добровольные обязательства предпринимателя перед самим собой и социумом, т.е. наполняет реальным смыслом его социальную ответственность. В конечном счете такой подход повышает прибыль. Очевидно, что медиабизнес в рыночном обществе по существу подчиняется тем же законам.

В дальнейшем идея саморегуляции сообществ и корпораций в контексте наметившихся в западных странах центробежных тенденций и укрепления института общественного мнения получила иную, отличную от предпринимательской выгоды трактовку. Принцип мажоритарности в массовых коммуникациях заявил о себе громче либертарианской установки на свободу.

Дэнис МакКуэйл, ссылаясь на Ходжеса, выделяет три типа ответственности: заданную, или навязанную извне, договорную, т.е. достигнутую по согласию сторон, и самоназначенную, т.е. добровольную. Последняя выражается в обещаниях редакции служить своей аудитории или общественным целям в соответствии с убеждениями или профессиональной этикой, к компетенции которой относится ответственность за вредные последствия информации или действий, за непреднамеренный или долгосрочный ущерб. Говоря о долге журналиста, обосновывая правомерность круга ожиданий аудитории, по которым медиа можно призвать к ответу за качество, поведение и результаты работы, названный автор обращается к такому ряду понятий, как «общественный интерес», «информационные требования демократии», «рыночный либерализм», «гражданская журналистика» и др. [20. С. 47].

В условиях России, когда социальная ответственность бизнеса включена в повестку дня, но еще не реализована, когда политическое правление характеризуется политологами как «мягкий авторитаризм» [21. С. 236–238; 22. С. 18–22], обозначенный ряд понятий не работает. Долг, миссия, ответственность концептуализируются на иного рода методологических основаниях — на деонтологических.

Деонтология журналистики: акцент на долге

Обстоятельно анализируя смысловое наполнение термина «деонтология», Е. И. Прохоров обращается к материалам состоявшегося в Москве 21–23 сентября 1995 г. международного семинара «Деонтология журналистики в странах, переходящих к рыночной экономике: проблемы национальной информационной и коммуникационной политики». Профессор приходит к выводу, что термин, введенный в оборот более 150 лет назад, в наши дни как будто начинает жить новой жизнью в связи с актуальной потребностью «увидеть целостную систему различных норм, обеспечивающих достойное выполнение всего объема обязанностей, рассматриваемых как профессиональный долг в демократическом обществе». Разработка деонтологии в сфере журналистики может осуществляться, согласно Е. И. Прохорову, разными путями. Первый это «кодификация», создание сводки всего наработанного в сфере обязанностей, прав, норм ответственного поведения журналиста, зафиксированных в законодательстве и этических докумен-

тах. Второй – построение системы требований к журналисту по аналогии с деонтологическими разработками в других областях социальной практики. Третий путь – собирание и осмысление прецедентов журналистской практики. Четвертый – это системная разработка проблем журналистской деонтологии максимально строгим теоретическим образом [23. С. 288, 299].

По прошествии времени можно констатировать, что все обозначенные пути разработки деонтологии в российском журналистском дискурсе представлены. Первый путь воплощает, как нам видится, деятельность организованной в 2005 г. Общественной коллегии по жалобам на прессу. В постсоветской истории известны и другие заслуживающие внимания органы медийного саморегулирования, но по объему рассмотренных информационных споров, по которым в виде протоколов заседаний и решений создавалась и фиксировалась своего рода «сводка» норм ответственности участников коммуникации, коллегия берет верх. И хотя главным ориентиром при этом выступали кодексы этики, не нормы права, последние «держались в уме», поскольку, как заметил председатель медиа-палаты Коллегии, М. А. Федотов, их невозможно оторвать ни гносеологически, ни содержательно, ибо в совокупности этика и право есть «нормативно закрепленная справедливость» [24. С. 4].

Второй путь – построение системы требований к журналисту по аналогии с деонтологическими разработками в других областях социальной практики – реализован, как нам видится, в деятельности Тюменского НИИ прикладной этики. Начав с гуманитарной экспертизы становления нового этоса в России – политического, делового, регионального, – этоса образовательной деятельности, этоса журналистики [25, 26], Центр прикладной этики сформировался в институцию, которая задалась амбициозной целью разработки общепрофессиональной этики [27]. И хотя ключевым словом при этом выступала «этика», отсылавшая к моральному измерению профессии и мировоззренческому выбору профессионала, ее ориентированность на нормативно-прикладной характер и «технологии практичности» определяет место концепции в ряду деонтологических разработок.

Обозначенные выше масштабные проекты сопровождается интенсивное собирание и осмысление прецедентов журналистской практики, – то, что Е. И. Прохоров обозначает как третий путь в разработке журна-

листской деонтологии. Сюда еще необходимо добавить работу вузовского научного сообщества, отраженную, в частности, в многочисленных сборниках статей и материалов тематических конференций. Для примера приведем сборник факультета журналистики МГУ «Современная журналистика в аспекте деонтологии». Три его выпуска появились по рекомендации секции этико-правовых проблем, работавшей в рамках ежегодной Международной научно-практической конференции «Журналистика: творчество, профессия, индустрия» в 2017 г. Тогда, как свидетельствуют его составители и редакторы, и определились его основные проблемно-тематические направления, включившие описание ситуаций из жизни журналистского сообщества, анализ правовых и этических факторов, влияющих на реализацию должного в журналистике; анализ опыта, родившегося в практике саморегулирования профессии [28].

Четвертый путь – системная разработка проблем журналистской деонтологии максимально строгим теоретическим образом – прерогатива исследователей, которые целенаправленно занимаются данной проблематикой. Это авторы монографий и учебников. Учебниковые разделы по деонтологическим принципам журналистики поддержали дисциплину «Деонтология журналистики», включенную в начавшем век десятилетия в учебные планы ряда российских вузов.

Таким образом, нормативные рамки профессии разрабатываются на всех уровнях, однако данный процесс затруднен двумя серьезными проблемами. Первая связана с тем, что практики в массе своей не спешат осваивать заданную нормативность. Об этом, в частности, свидетельствует «база прецедентов» в виде информационных споров, результатов мониторинга прессы и телевидения, социологических интервью с журналистами. Причины этого тоже известны. В предисловии ко второму выпуску сборника МГУ «Современная журналистика в аспекте деонтологии» И. А. Панкеев замечает, что «журналистское сообщество так и не сумело выработать реальные механизмы воздействия на тех, кто порочит репутацию профессии, ибо не до конца определилось с тем, а что же есть сама по себе профессия в ее сущностных, фундаментальных, незыблемых проявлениях». К. А. Дручинина и М. В. Яковлев пишут о таких проблемах, как отсутствие консенсуса по отношению к национальной модели журналистики; функциональная противоречивость института СМИ, одновременно выступающих и ин-

струментом манипуляции, и средством общественного контроля; отсутствие корпуса общенациональных ценностей для журналистов и т.д. [29]. О том, что СМИ – «манипулируемые манипуляторы» и почему это относится к специфике профессиональной ментальности, а также об истоках профессиональной коррупции в России читаем в монографии Б. Н. Лозовского [30]. Современные реалии убеждают в том, что вопрос об ангажированности журналистов, хотя и обусловлен в конкретных проявлениях факторами, порожденными обстоятельствами внутри социума, по существу встает в любом обществе. И. В. Кирия, рассматривая теории «четвертой власти», «сторожевого пса» в эмпирико-функционалистской группе изучения массовых коммуникаций, указывает на запечатленную в них гипертрофированность и политизированность представлений о роли медиа в обществе. В действительности медиа являются частью общественных институтов, поэтому их контент зависим от этих институтов – крупных собственников, политиков, рекламодателей, от самих журналистов, ограничивающих «поляну точек зрения в угоду собственным представлениям, а также формату материала» [31. С. 271].

Другая проблема связана с тем, что заданная деонтологией журналистики нормативность коммуникации не усваивается и в сегменте новых медиа. На первый взгляд, такое положение дел объясняется различиями в составе коммуникантов: деонтологические принципы обращены к профессионалам, а новые медиа в виде социальных сетей, чатов, форумов, в виде обмена смс-сообщениями представляют рядовых пользователей. Однако основания проблемы, как нам видится, лежат глубже – новые медиа парадигмально отделены от «старых», одностронних, линейно направленных коммуникаций, – они как бы представляют собой иной мир. Его идеологом вслед за Маклюэном, произведения которого стали активно переводиться в постсоветские годы, выступил Мануэль Кастельс [14. С. 12–19; 31. С. 333–338; 32; 33], который, будучи сам воодушевлен возможностями интернет-пространства и мобильными коммуникациями, увлек молодое поколение иными перспективами. Казалось, вызванные тупиками развития институциональных медиа настроения катастрофизма преодолены. Как некогда энтузиасты перестройки вдохновились идеей «журналистики соучастия», энтузиастов 2000-х вдохновили идеи о новых медиа как форме непосредственной демократии и некорумпированной экономики. Крепло убеждение, что «более “нравственных” технологий, чем прозрачность,

вообще не существует» [34. С. 13]. Заговорили о «виртуальном гражданском обществе» [35. С. 139], о преобразующей роли блокчейна в сочетании с технологиями интернета вещей, которые «ставят в повестку дня вопрос о какой-то новой нравственной культуре некоего гибридного социума, в котором люди интегрированы с машинами в одну систему ответственных отношений» [36. С. 39]. Со временем стало очевидно, что глобальная сеть, подобно другим сферам общественных отношений, выступает лишь одним из сегментов тотальной социальной матрицы, что сами по себе – ни демократия, ни народная экономика, ни нравственная культура – на медиаплатформах не случаются, если к этому не будут готовы потенциальные «агенты поля» в лице задействованных в этих процессах людей. Более того, в цифровой реальности многие известные вопросы обрели новую остроту.

Важно также указать на то, что традиционные формы массовой коммуникации не есть «отжившее старое». Более чем двадцатилетний опыт работы экспертом в органах медийного саморегулирования, а также участие в качестве эксперта в судебных заседаниях по рассмотрению информационных споров в сфере массовой коммуникации позволяют мне говорить о закономерной тенденции. А именно: из каких бы медиасегментов ни заявляли о себе контрагенты, вступившие в конфликт, – из PR-деятельности, рекламы, киноиндустрии и т.д., отправной точкой в анализе правомерности/неправомерности их публичного поведения выступают принципы журналистской этики. То же относится к спорам, в которых участвуют новые медиа в лице блогов, авторских профайлов социальных сетей, корпоративных чатов и новостных каналов мессенджеров. Дело в том, что в сравнении с другими видами медиадеятельности именно журналистика в силу набора выполняемых ею функций поставлена в такую позицию перед обществом, что вынуждена постоянно стремиться к выработке и усвоению «правил игры» с новыми и новыми адресантами, интересы которых затрагивает производимая ею информация. Важно и то, что процесс кодификации правил трансформирующегося в меняющихся условиях информационного поведения профессионала осуществляется в журналистике на позициях общественного института – с учетом потребностей большинства.

Приведенные аргументы в пользу единства знаниевых ресурсов о новых и традиционных медиа и их нормативности известны. Однако они продолжают оставаться парадигматически замкнутыми.

Моральное измерение практики: акцент на личности

Отсутствие преемственности между нормативными концепциями – этот вопрос касается не только внутринаучной коммуникации. Он касается всего общества. Тема диалога, способности к взаимодействию на публичных площадках на межличностном и межгрупповом уровнях актуальна как никогда. Простым признанием «мультикультурализма», как справедливо отмечает Г. Л. Тульчинский, не решается проблема культурно-этической дивергенции – разобщенности, конфликтов, распада, деморализации и аномии. Поиск решения может вестись с учетом особенностей различных этосов социума, связанных с ними типов власти и их комбинаций, порождающих конкретные политические конфигурации, с учетом возможностей коммуникативного посредничества между ними [36. С. 30–40].

Коммуникативное посредничество в процессе интерактивной коммуникации потенциально доступно для массовой аудитории, внутри которой производство сообщений осуществляется пользователями самостоятельно. Кастельс в связи с этим вводит термин «массовая самокоммуникация» [33. С. 9, 105], формирует запрос на такой подход к проблеме сочетания «рамок» и культуры свободы в гибридных формах социальности, который учитывал бы выраженные в них новые вызовы. С нашей точки зрения, работу в этом направлении необходимо начать с возвращения этическим исследованиям коммуникаций самобытной предметности, утраченной в деонтологической перспективе.

Справедливости ради необходимо отметить, что категория долга выступает одной из базовых в многовековом споре в истории этики о том, что есть нравственность: подчинение должному, предполагающему самообуздание, самоподчинение, или спонтанное стремление к благу (проявление «доброй природы» человека). В качестве субъекта нравственного требования человек выступает в роли «самозаконодателя, выразителя своей воли», – указывает О. Г. Дробницкий. – Изолированная фиксация этого феномена и приводит к этике блага. В этике долженствования моральные требования выдвигаются не от собственного лица, а от имени социально-исторического субъекта, «от имени человечества», которое выступает при этом не законодателем морального требования, а исполнителем, призванным жить по законам предполагаемого, возможного или грядущего общественного состояния.

Должное «для всех других» в первую очередь выступает как обязательное для самого субъекта требование [37. С. 321–322].

Думается, именно такой – по сути этический – подход характерен для отечественных концепций деонтологии журналистики, оперирующих таким понятием «должное», которым обозначается «необходимое, верное по сути, а не по регламенту, то, без чего жизнь утратит порядок и вектор развития» [38. С. 115]. На этих позициях должное по отношению к журналистике «обозначает те ее компоненты, которые задаются объективно складывающимися закономерностями журналистской деятельности, имманентно присущими ей и определяющими ее место и значение в обществе» [3. С. 22]. Демонстрируемая телеологическая заданность позиций при таком подходе видится нами, в отличие от И. В. Кирия, который противопоставляет нормативность теории ее научности [31. С. 271], вполне уместной при описании законов бытования сложного системного объекта в социальной среде. Однако нормативно-аксиологический посыл, неизбежный для гуманитарной теоретической концепции макроуровня, определяя общее направление и смысловые доминанты прикладных исследований, и необходимый в образовательно-постановочном формате, не соотносим с рутинной повседневностью. Об этом, в частности, свидетельствует то, что эмпирическое изучение мнений представителей медиаиндустрии обнаруживает разрыв «должного журналистики» с реальным положением дел [29. С. 77]. Очевидно, что «должное» в заданной трактовке выступает по отношению к конкретному индивиду чем-то внешним, апеллирует к «навязанной» ответственности (Ходжес, МакКуэйл), которая не порождает добровольные поступки. В качестве основной причины такого положения дел исследователи указывают на «отход от нормального функционирования СМИ». При этом очень важная, с нашей точки зрения, тема актуальных состояний личности журналиста, тема «ситуации человека» в медиа остается вне поля зрения. В этическом – не психологическом – ключе это означает, в частности, проблематизацию вопроса о том, что персонально выносить в повседневной жизни бремя долга «перед историей и будущим» готов не каждый, а оставаться в собственных глазах порядочным человеком хотели бы многие.

О. Г. Дробницкий как представитель советского поколения придерживался позиций марксистской этики. Указывая на противоречие нравственной и технической нормы, определенной целерациональностью, философ отмечает, что моральные соображения не гарантируют успеха

и могут ограничить выбор целесообразных средств. Однако конденсируя в себе опыт поколений и будучи выраженными в должноствательной форме, они обладают удивительной прозорливостью и дальновидностью [37. С. 329–330]. Деонтологическая модальность является первичной и в христианской этике. Для нее характерно требование «выполнять свой долг даже без надежды на успех», которое, по О. Г. Дробницкому, способно «оказать отрезвляющее воздействие на людей, неоправданно уповающих на ближайшее разрешение мучающих их проблем, противодействовать установкам социального прагматизма и политической недалекновидности, служить противоядием настроениям пессимизма и отчаяния, возникающим после поражения чрезмерно оптимистических прогнозов, ожиданий и обещаний, сохранять смысл и значимость за действиями, которые сразу не привели к ожидаемым результатам» [37. С. 327].

Согласимся с Ламбетом, указывающим на эклектичный характер журналистской этики [18. С. 46]. То же можно сказать о мировоззрении эмпирического индивида. Свобода совести в широком, а не в узко юридическом значении дает право обоснования личностных позиций в различных этических координатах. Об этом, в частности, говорят применительно к новым коммуникативным отношениям, трансформирующим идентичности и культуру, молодые участники Международной научно-практической конференции «Информационная эпоха: Мир–Россия–Урал» [39].

Актуальной в современных условиях видится концепция «творческой морали» Н. А. Бердяева, которую он противопоставил «морали закона и послушания» и кантовскому «категорическому императиву», который «страшно тяжел» и лишен «окрыленности». О. Г. Дробницкий указывает, что бердяевская нравственность «сильных духом» отсылает к «нравственности свободного порыва» «героев» и «пророков» Бергсона, к ее противопоставлению канонической морали «толпы». К данной группе этических теорий с преобладанием установок на спонтанную добродетель, свойственную природе человека, примыкает экзистенциалистская «подлинная нравственность», которая трактует зло не как отступление от должного, а как повиновение ему как чему-то внешнему. Слитность и нерасчлененность свободной воли, по Ясперсу, проявляется в том, что она не может выбрать между добром и злом как чем-то внешним ей, от чего она могла бы себя отличить, «она сама становится доброй или злой» [37. С. 319].

Этические воззрения не входят в предметное поле журналистской теории. Однако очевидна их роль в интерпретации фактов и мнений, становящихся объектом изучения. В советское время их включенность в подготовку будущих журналистов обеспечивалась, как нам видится, через филологические знания, через обращение к произведениям русской и зарубежной литературы. Переориентация образования на технические и технологические параметры журналистской деятельности определила судьбу этого блока дисциплин. Сегодня в изучении медиа представляется актуальным ситуационный подход [40–42], а также использование инструментария «понимающей» социологии [43, 44]. В 90-е гг. в научной литературе была развернута плодотворная дискуссия о методической состоятельности «количественных» и «качественных» эмпирических исследований [45. С. 14–31; 46. С. 28–42], что послужило толчком для инициации в социологических центрах интересных проектов. Проводившиеся на их базе глубинные интервью, общение в фокус-группах, кейс-стади, детальная проработка документов позволяли собирать данные по микроситуациям и взаимодействиям, которые количественная социология увидеть не могла. Однако приходится констатировать, что после завершения грантовой поддержки такого рода исследований нужное направление в изучении эмпирической реальности развития не получило, школы не сложились. Сегодня «качественное» изучение практики в журналистском дискурсе проводится, по нашим наблюдениям, фрагментарно – на вузовских и общественных площадках. Большой объем фактологических данных хранится в режиме «до востребования». Между тем данные этого рода очень информативны. Не в последнюю очередь – в отношении этического состояния медиасреды. Для примера обратимся к трем информационным спорам, рассмотренным Общественной коллегией по жалобам на прессу с нашим участием в роли эксперта.

Объектом жалобы в первом случае послужила серия критических публикаций в череповецкой газете «Речь» и на ее сайте «35 медиа» о том, что петербургская строительная компания, проводившая реконструкцию теплосетей в центре города, не справилась с работой. Руководитель компании предоставил редакции более двадцати документов из деловой переписки с субподрядчиками и мэрией, свидетельствующих об объективных экономических причинах задержки сроков. Редакция в расчет их не взяла. Однако внешне все ее действия выглядели правильными. Газета подняла общественно значимую тему недоделок; встала на защиту интересов горожан; обращаясь к социальным сетям,

отразила общественное мнение; через высказывание мэра по данному вопросу зафиксировала позицию городской власти; на обращение подрядчика в редакцию дала ответ с указанием на его право на ответ. Анализ эксперта показал, что за этими действиями «по протоколу» скрывается нежелание расследовать конфликт интересов в многомиллионной сделке с участием мэрии города. Редакция настойчиво ограничивала поле журналистской деятельности тематикой городского благоустройства, осуществляя с помощью контрриторических стратегий депроблематизацию общественно значимой темы¹. Действия «протокольной журналистики» оказались несовместимы с ценностями профессиональной этики. В преамбуле Кодекса этических норм, принятого Обществом профессиональных журналистов еще в 1996 г., поиск истины определяется как путь к просвещению граждан [47. С. 21]. «Поиском» и «истиной» заданы горизонты притязаний профессии, ими же определяется ее личностный, творческий характер.

Вторым прецедентным кейсом, порожденным тотальным нарушением профессиональной этики, выступает информационный спор между заявителем Саяной Монгуш и редакцией телеканала «Тува-24» (орфография названия соответствует оригиналу. – *С. III.*). Новостью в сюжете должна была выступить состоявшаяся в Кызыле по инициативе заявителя презентация фильма «Планета Тыва», созданного по заказу Русского географического общества. Однако первая половина текста за кадром в новостном сюжете представляла собой рассказ о том, что в одном из сел на днях вновь была замечена съемочная группа иностранной компании из Швейцарии и что «обеспокоенные чабаны» сообщили некоему Марату Маликову «по секрету»: гости в сопровождении местной журналистки Саяны Монгуш и местного предпринимателя предлагают скотоводам гостиницы, деньги и просят их сказать в интервью, что жизнь чабана они выбрали вынужденно, по принуждению. Видеоряд демонстрирует пост упомянутого Маликова в социальных сетях с аватаркой, на которой изображен пожи-

¹ Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о материале «Чужие не справились, свои попробуют?» и других публикациях о реконструкции сетей теплоснабжения (г. Череповец Вологодской области) в общественно-политической газете «Речь» и на сайте «35 медиа» // Общественная коллегия по жалобам на прессу. URL: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/6385-zhaloba-ooo-sp-pent-na-seriyu-publikatsij-gazety-rech-i-setevogo-izdaniya-35media?start=4> (дата обращения: 08.06.2023).

лой чабан с кнутом на плече. В ходе подготовки мнения эксперта выяснилось, что провокационный текст против журналистки распространялся через фейковый аккаунт, созданный в сети «ВКонтакте». Прозвучавшие в закадровой речи критические сведения документально не подтверждены. В итоге нами сделан вывод о том, что организаторы оспоренного новостного сюжета на телеканале «Тува-24» через фальсификацию оперативного повода, нарушение авторских прав, фабрикацию слухов, дискредитацию участников значимого культурного проекта постарались навязать зрителю видение темы через бинарные оппозиции, т.е. свести богатство культурного явления к идеологическому «протоколу»¹.

Третий случай представлен жалобой на сюжет «Вести. Дежурная часть» (ТК «Россия-24») о неоконченном судебном заседании и на сопровождающие эту тему посты в телеграм-канале «Честный детектив». Проблемным событием выступила «беспрецедентная» ситуация роспуска судом коллегии присяжных накануне вынесения вердикта по громкому делу в Тюмени об убийстве восьмилетней девочки. В новость на федеральном канале были включены кадры со следственными действиями по делу, запечатлевшие подозреваемого, который на манекене показывал, как он «убивал» девочку и прятал труп в холодильнике. Новость несколько раз появилась в эфире в то время, когда приговор еще не был вынесен, а тюменские журналисты, по свидетельству местных СМИ и социальных медиа, собрали материал, который ставил под сомнение основания обвинения. В «Вестях. Дежурная часть» указали на кампанию по дискредитации действий суда, в то время как журналисты программы, работающие в связке с правоохранителями, сами же выносили на аудиторию Телеграма информацию с закрытого заседания не в пользу подозреваемого. Мнение эксперта фиксирует ряд нарушений этических норм, хотя в них явно просматривается и юридическая сторона². Мной также были представлены данные о том, как

¹ Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о сюжете «Иностранные журналисты в Туве» (телеканал «Тува 24») // Общественная коллегия по жалобам на прессу. URL: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/6363-zhaloba-zhurnalistki-na-telekanal-tuva-24?start=4> (дата обращения: 08.06.2023).

² Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о материалах по освещению неоконченного судебного процесса («Вести. Дежурная часть» – «Россия-24», – и телеграм-канал «Честный детектив») // Общественная коллегия по жалобам на прессу. URL: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/postupivshie-zhaloby/6401-zhaloba-na-vypuski-programmy-vesti-dezhurnaya-chast-i-takzhe-na-neskolko-publikatsij-na-telegram-kanale-chestnyj-detektiv?start=5> (дата обращения: 08.06.2023).

в этических кодексах журналистов из стран ближнего и дальнего зарубежья сформулированы правила, нацеленные на защиту прав обвиняемых в преступлении.

Приведенные примеры указывают на одну из серьезных моральных проблем общества – на формирование в среде медиапрофессионалов федерального и регионального уровня самодостаточного класса медиакратии, создающего журналистский контент в отрыве от интересов и прав граждан и отдельной личности. Нарушение этических норм профессии находит выражение в способах сбора информации, в структуре медиатекстов, в логике, оправдывающей подобные действия, – во всем, что составляет предметное поле журналистского дискурса. Кроме того, техническая сторона деятельности всегда сопровождается возникновением определенных этосных отношений по принципу «за – против». Однако в связи с тем, что у Общественной коллегии по жалобам на прессу другая функция, эти и другие детализированные характеристики журналистской практики, которые могло бы выявить «качественное» кейс-исследование, останутся за кадром.

Подводя общий итог, укажем на следующее:

1. Утрата собственной самобытной предметности этических исследований журналистики обусловлена представлениями, доминирующими в трех сегментах научного дискурса, потенциально связанных с проблематикой профессиональной этики. Первый сегмент представлен теорией социальной ответственности прессы, второй – деонтологией журналистики, третий – концепциями моральной философии.

2. Внутренняя логика развития данных сегментов, а также особенности их усвоения в российских условиях привели к тому, что в доминирующих концепциях и в терминологии акцент сделан не в пользу личности. А именно: теория социальной ответственности с ее идеей саморегуляции профессионального сообщества не получила реальной поддержки в условиях российской экономики; деонтология профессии и теории морали, связанные с отечественной культурой, ориентированы на модальность долженствования. Тенденция к тотальному системному детерминизму, исключающему спонтанные практики, не способствует развитию эвристических возможностей «этики блага», воззрений, основанных на вере в творческий потенциал суверенного человека.

3. Игнорирование принципа личности ведет тому, что понятие «долг журналиста», профессионально-этические и другого рода нормы

публичной коммуникации оказываются представленными сводом требований и обязанностей, которые воспринимаются практиками как внешние. Такое положение дел отрицательно сказывается на СМИ. В них возникают условия для формирования медиакратии, скрывающей за соблюдением профессионального «протокола» отчужденную от «ситуации человека» манипулятивную деятельность.

4. Необходимость гуманизации коммуникативного посредничества между массовыми и интерактивными формами информационного взаимодействия нуждается в преодолении парадигмальной замкнутости знаний о традиционных и новых медиа. В этических исследованиях объединяющим звеном различных научных направлений выступает «ситуация человека», право автономной личности на самостоятельный выбор собственного жизненного пути. В методологическом плане поддержке личностно ориентированного объекта изучения в теории журналистики могут способствовать ситуационный подход и качественные исследования.

Список источников

1. Рэндалл Д. Универсальный журналист. М. : Международный центр журналистики, 1996.
2. Свитич Л. Г. Феномен журнализма. М. : Факультет журналистики МГУ, 2000.
3. Лазутина Г. В. Журналистика в информационном поле современной России: должное и реальное. М. : Аспект-Пресс, 2018.
4. Ажгихина Н. Честное слово. Мастера журналистики о границах правды и свободы. М. : ООО Медиагруппа «Журналист», 2020.
5. Никитинский Л. Апология журналистики (В завтрашний номер: о правде и лжи). М. : Мысль, 2017.
6. Якупова В. Добро и зло российской журналистики. Казань : Издательский дом Маковского, 2015.
7. Очерки Петербургской школы журналистики. К 70-летию Сергея Григорьевича Корконосенко : сб. ст. / ред.-сост. И. Н. Блохин, З. Ф. Хубецова, А. Н. Марченко. СПб. : Алетейя, 2020.
8. Профессиональная культура журналиста: проблемы межкультурной коммуникации / ред. В. Ф. Олешко. Екатеринбург : Уральский ун-т, 2016.
9. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2007.

10. Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М., 2006.
11. Власть, зеркало или служанка: Энциклопедия жизни современной российской журналистики / под ред. Ю. Антоновской, О. Бычковой, И. Есаковой, Ю. Калауцкой, И. Рябовой, Т. Старостиной, Т. Теплюковой : в 2 т. Союз журналистов России, Журн. фонд России. М., 1998.
12. Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М. : Национальный ин-т прессы, изд-во «Варигус», 1998.
13. Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов / под ред. В. И. Бакштановского, Ю. В. Казакова, А. К. Симонова, Ю. В. Согомонова. М. : НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995.
14. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999.
15. СМИ в меняющейся России : коллективная монография / под ред. Е. Л. Вартановой, науч. ред. И. Д. Фомичева. М. : Аспект Пресс, 2010.
16. Гражданские коммуникации и гражданское общество / сост. и ред. И. М. Дзялошинский. М. : ГУ ВШЭ, 2009.
17. Шайхитдинова С. К. Гносеология медиаэтики: организационная культура или «голос совести»? // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2002. № 4. С. 25–31.
18. Ламбет Э. Б. Приверженность журналистскому долгу: Об этическом подходе в журналистской профессии. М. : Национальный ин-т прессы; Изд-во Виоланта, 1998.
19. Тесакова Н. Миссия и корпоративный кодекс. М. : РИП-холдинг, 2004.
20. МакКуэйл Д. Журналистика и общество : пер. с англ. М. : МедиаМир; Факультет журналистики МГУ, 2014.
21. Сидорина Т. Ю. История и теория социальной политики. М. : РГГУ, 2012.
22. Конституционное развитие России: задачи институционального проектирования / ред.-сост. Н. Ю. Беляева. М. : ГУ ВШЭ, 2007.
23. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М. : Аспект-пресс, 2004.
24. Избранные решения Большого жюри СЖР и Общественной коллегии по жалобам на прессу (1998–2013) / под ред. Ю. В. Казакова, М. А. Федотова. М. : Творческий центр ЮНЕСКО, 2013.
25. Бакштановский В., Согомонов Ю. Моральный выбор журналиста. Тюмень : Центр прикладной этики, 2002.
26. Тетради гуманитарной экспертизы: Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность профессии / под. ред. В. И. Бакштановского. Тюмень : Центр прикладной этики: XXI век, 2005.

27. Бахитановский В., Согомонов Ю. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень : НИИ прикладной этики, 2005.
28. Современная журналистика в аспекте деонтологии / под ред. Г. В. Лазутиной, И. Н. Денисовой. Вып. 3. М. : Фак. журн. МГУ, 2020. URL: <https://iknigi.net/avtor-sbornik/215336-sovremennaya-zhurnalistika-v-aspekte-deontologii-sbornik.html> (дата обращения: 07.06.2023).
29. Современная журналистика в аспекте деонтологии / под ред. Г. В. Лазутиной, И. А. Панкеева, И. Н. Денисовой. Вып. 2. М. : Фак. журн. МГУ, 2018. URL: <https://istina.msu.ru/collections/158477627/> (дата обращения: 07.06.2023).
30. Лозовский Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами: Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2011.
31. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа : учеб. для вузов М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2017.
32. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.
33. Кастельс М. Власть коммуникации : пер. с англ. М. : Высшая школа экономики, 2017.
34. Какие медиа – такое и общество / ред. В. Юкечев. Новосибирск: Ин-т развития прессы – Сибирь, 2013.
35. «Другой» в пространстве коммуникации : сб. науч. ст. / сост. и ред. С. К. Шайхитдинова. Казань : Казанский гос. ун-т, 2007.
36. Тульчинский Г. Л. Прикладная этика и новые модели социума // Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра. Ведомости прикладной этики. Вып. 50 / под ред. В. И. Бакшатновского. Тюмень : НИИ ПЭ, 2017. С.30–40.
37. Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избранные труды / сост. Р. Г. Апресян. М. : Гардарики, 2002.
38. Корконосенко С. Г. Основы журналистики : учеб. пособие. М. : КноРус, 2020.
39. Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал : VII Междунар. науч.-практ. конф. : материалы / ред. Л. А. Закс и др. : в 2 т. Екатеринбург : Гум. ун-т, 2004. Т. 1.
40. Листвина Е. В. Социокультурная ситуация: опыт исследования. Саратов : Наука, 2008.
41. Ситуационные исследования: Вып. 3. Ситуационность бытия / ред. Н. М. Солодухо (по материалам междунар. (СНГ) науч.-филос. конф.). Казань : Казан. гос. техн. ун-т, 2011.
42. Ситуационные исследования: Вып. 4. Ситуационная картина мира / ред. Н. М. Солодухо (по материалам междунар. науч.-филос. конф.). Казань : Казан. гос. техн. ун-т, 2011.

43. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики : учеб. пособие. Самара : Самарский ун-т, 2002.

44. Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара : Универс-групп, 2004.

45. Ядов В. А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1991. № 1. С. 14–31.

46. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

47. Профессиональная этика журналиста: документы и справочные материалы / сост. Ю. В. Казаков. М. : Медия, 2004.

References

1. Randall, D. (1996) *Universal'nyy zhurnalist* [The Universal Journalist]. Moscow: Mezhdunarodnyy tsentr zhurnalistiki.

2. Svitich, L.G. (2000) *Fenomen zhurnalizma* [The Phenomenon of Journalism]. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University.

3. Lazutina, G.V. (2018) *Zhurnalistika v informatsionnom pole sovremennoy Rossii: dolzhnoe i real'noe* [Journalism in the Information Field of Modern Russia: The Proper and the Real]. Moscow: Aspekt-Press.

4. Azhgikhina, N. (2020) *Chestnoe slovo. Mastera zhurnalistiki o granitsakh pravdy i svobody* [Honest Word. Masters of Journalism on the Boundaries of Truth and Freedom]. Moscow: ООО Mediagruppa “Zhurnalist”.

5. Nikitinskiy, L. (2017) *Apologiya zhurnalistiki (V zavtrashniy nomer: o pravde i lzhi)* [Apology of Journalism (For Tomorrow's Issue: About Truth and Lies)]. Moscow: Mysl'.

6. Yakupova, V. (2015) *Dobro i zlo rossiyskoy zhurnalistiki* [The Good and Evil of Russian Journalism]. Kazan: Izdatel'skiy dom Makovskogo.

7. Blokhin, I.N., Khubetsova, Z.F. & Marchenko, A.N. (eds) (2020) *Ocherki Peterburgskoy shkoly zhurnalistiki. K 70-letiyu Sergeya Grigor'evicha Korkonosenko* [Essays on the St. Petersburg School of Journalism. On the 70th Anniversary of Sergei Grigorievich Korkonosenko]. St. Petersburg: Aleteyya.

8. Oleshko, V.F. (ed.) (2016) *Professional'naya kul'tura zhurnalista: problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Professional Culture of a Journalist: Problems of Inter-cultural Communication]. Yekaterinburg: Ural University.

9. Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P (eds) (2007) *Sotsial'nye transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri* [Social Transformations of Professionalism: Views From Outside, Views From Inside]. Moscow: ООО “Variant”, TsSPGI.

10. Dzyaloshinskiy, I.M. (2006) *Zhurnalistika souchastiya. Kak sdelat' SMI poleznymi lyudyam* [Participatory Journalism. How to Make the Media Useful to People]. Moscow: Prestizh.
11. Antonovskaya, Yu. Et al. (eds) (1998) *Vlast', zerkalo ili sluzhanka: Entsiklopediya zhizni sovremennoy rossiyskoy zhurnalistiki* [Power, Mirror, or Servant: Encyclopedia of the Life of Contemporary Russian Journalism]. In 2 Vols. Moscow: Union of Journalists of Russia.
12. Sibert, F., Schramm, W. & Peterson, T. (1998) *Four Theories of the Press*. Moscow: Natsional'nyy institut pressy, izd-vo "Varigus". (In Russian).
13. Baksthanovskiy, V.I. et al. (eds) (1995) *Stanovlenie dukha korporatsii: pravila chestnoy igry v soobshchestve zhurnalistov* [Formation of the Corporate Spirit: Rules of Fair Play in the Community of Journalists]. Moscow: NACHALA-PRESS.
14. Zasurskiy, I.I. (1999) *Mass-media vtoroy respubliki* [Mass Media of the Second Republic]. Moscow: Moscow State University.
15. Vartanova, E.L. (ed.) (2010) *SMI v menyayushcheysya Rossii* [Mass Media in Changing Russia]. Moscow: Aspekt Press.
16. Dzyaloshinskiy, I.M. (ed.) (2009) *Grazhdanskie kommunikatsii i grazhdanskoe obshchestvo* [Civil Communications and Civil Society]. Moscow: HSE.
17. Shaykhitdinova, S.K. (2002) Gnoseologiya mediaetiki: organizatsionnaya kul'tura ili "golos sovesti"? [Gnoseology of Media Ethics: Organizational Culture or "Voice of Conscience"?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.10: Zhurnalistika*. 4. pp. 25–31.
18. Lambet, E.B. (1998) *Priverzhennost' zhurnalistskomu dolgu: Ob eticheskom podkhode v zhurnalistskoy professii* [Commitment to Journalistic Duty: On an Ethical Approach to the Journalistic Profession]. Moscow: Natsional'nyy institut pressy; Izd-vo Violanta.
19. Tesakova, N. (2004) *Missiya i korporativnyy kodeks* [Mission and Corporate Code]. Moscow: RIP-kholding.
20. McQuail, D. (2014) *Journalism and Society*. Moscow: MediaMir; Faculty of Journalism, Moscow State University.
21. Sidorina, T.Yu. (2012) *Istoriya i teoriya sotsial'noy politiki* [History and Theory of Social Policy]. Moscow: RSUH.
22. Belyaeva, N.Yu. (ed.) (2007) *Konstitutsionnoe razvitie Rossii: zadachi institucional'nogo proektirovaniya* [Constitutional Development of Russia: Tasks of Institutional Design]. Moscow: HSE.
23. Prokhorov, E.P. (2004) *Zhurnalistika i demokratiya* [Journalism and Democracy]. Moscow: Aspekt-press.
24. Kazakov, Yu.V. & Fedotov, M.A. (eds) (2013) *Izbrannye resheniya Bol'shogo zhyuri SZhR i Obshchestvennoy kollegii po zhalobam na pressu (1998–2013)* [Selected Decisions of the Grand Jury of the Union of Journalists of Russia and the Public Collegium for Complaints About the Press (1998–2013)]. Moscow: Tvorcheskii tsentr YuNESKO.

25. Bakshtanovskiy, V. & Sogomonov, Yu. (2002) *Moral'nyy vybor zhurnalista* [Moral Choice of a Journalist]. Tyumen: Tsentr prikladnoy etiki.
26. Bakshtanovskiy, V.I. (ed.) (2005) *Tetradi gumanitarnoy ekspertizy: Professionalizm sovremennoy zhurnalista: servisnoe remeslo na informatsionnom rynke i/ili grazhdanstvennost' professii* [Notebooks of Humanitarian Expert Assessment: Professionalism of a Modern Journalist: Service Craft in the Information Market and/or Civic Consciousness of the Profession]. Tyumen: Tsentr prikladnoy etiki: XXI vek.
27. Bakshtanovskiy, V. & Sogomonov, Yu. (2005) *Etika professii: missiya, kodeks, postupok* [Ethics of the Profession: Mission, Code, Action]. Tyumen: NII prikladnoy etiki.
28. Lazutina, G.V. & Denisova, I.N. (eds) (2020) *Sovremennaya zhurnalistika v aspekte deontologii* [Modern Journalism in the Aspect of Deontology]. Vol. 3. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. [Online] Available from: <https://iknigi.net/avtor-sbornik/215336-sovremennaya-zhurnalistika-v-aspekte-deontologii-sbornik.html> (Accessed: 7.06.2023)
29. Lazutina, G.V., Pankeev, I.A. & Denisova, I.N. (eds) (2018) *Sovremennaya zhurnalistika v aspekte deontologii* [Modern Journalism in the Aspect of Deontology]. Vol. 2. Moscow: Fak. zhurn. MGU, [Online] Available from: <https://istina.msu.ru/collections/158477627/> (Accessed: 7.06.2023).
30. Lozovskiy, B.N. (2011) *Kto i kak manipuliruet zhurnalistami: Manipulyativnye tekhnologii vliyaniya na sredstva massovoy informatsii* [Who and How Manipulates Journalists: Manipulative Technologies of Influence on the Media]. Yekaterinburg: Ural University.
31. Kiriya, I.V. & Novikova, A.A. (2017) *Istoriya i teoriya media: Uchebnik dlya vuzov* [History and Theory of Media: Textbook for Universities] Moscow: HSE.
32. Castells, M. (2004) *The Internet Galaxy*. Yekaterinburg: U-Faktoriya (With the Participation of the Publishing House of the Humanitarian University). (In Russian).
33. Castells, M. (2017) *Communication Power*. Moscow: HSE. (In Russian).
34. Yukechev, V. (ed.) (2013) *Kakie media – takoe i obshchestvo* [The Kind of Media is the Kind of Society]. Novosibirsk: Institut razvitiya pressy-Sibir'.
35. Shaykhitdinova, S.K. (ed.) (2007) *“Drugoy” v prostranstve kommunikatsii* [“The Other” in the Space of Communication]. Kazan: Kazan State University.
36. Tul'chinskiy, G.L. (2017) *Prikladnaya etika i novye modeli sotsiuma* [Applied Ethics and New Models of Society]. In: Bakshtanovskiy, V.I. (ed.) *Prikladnaya etika v sovremennoy Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [Applied Ethics in Modern Russia: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Vedomosti prikladnoy etiki* [Bulletin of Applied Ethics]. Vol. 50. Tyumen: NII PE. pp. 30–40.
37. Drobnitskiy, O.G. (2002) *Moral'naya filosofiya: Izbrannye trudy* [Moral Philosophy: Selected Works]. Moscow: Gardariki.
38. Korkonosenko, S.G. (2020) *Osnovy zhurnalistiki: uchebnoe posobie* [Fundamentals of Journalism: A Tutorial]. Moscow: KnoRus.
39. Zaks, L.A. et al. (eds) (2004) *Informatsionnaya epokha: Mir–Rossiya–Ural: VII Mezhdunar. nauch.-praktich. konf.: materialy* [Information Age: World–Russia–Urals:

Proceedings of the VII International Conference]. In 2 Vols. Vol. 1. Yekaterinburg: Humanitarian. University.

40. Listvina, E.V. (2008) *Sotsiokul'turnaya situatsiya: opyt issledovaniya* [Sociocultural Situation: Research Experience]. Saratov: Nauka.

41. Solodukho, N.M. (ed.) (2011) *Situatsionnye issledovaniya* [Case Studies]. Vol. 3. Kazan: Kazan State Technical University.

42. Solodukho, N.M. (ed.) (2011) *Situatsionnye issledovaniya* [Case Studies]. Vol. 4. Kazan: Kazan State Technical University.

43. Gotlib, A.S. (2002) *Vvedenie v sotsiologicheskoe issledovanie: Kachestvennyy i kolichestvennyy podkhody. Metodologiya. Issledovatel'skie praktiki: ucheb. posobie* [Introduction to Sociological Research: Qualitative and Quantitative Approaches. Methodology. Research Practices: A Tutorial]. Samara: Samara University.

44. Gotlib, A.S. (2004) *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznatel'nye i ekzistentsial'nye gorizonty* [Qualitative Sociological Research: Cognitive and Existential Horizons]. Samara: Univers-grupp.

45. Yadov, V.A. (1991) *Strategii i metody kachestvennogo analiza dannykh* [Strategies and Methods of Qualitative Data Analysis]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 1. pp. 14–31.

46. Batygin, G.S. & Devyatko, I.F. (1994) Mif o “kachestvennoy sotsiologii” [The Myth of “Qualitative Sociology”]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2. pp. 28–42.

47. Kazakov, Yu.V. (2004) *Professional'naya etika zhurnalista: Dokumenty i spravochnye materialy* [Professional Ethics of a Journalist: Documents and Reference Materials]. Moscow: Medeya.

Информация об авторе:

Шайхитдинова С. К. – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: svet1206@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S. K. Shayhitdinova, Dr. Sci. (Philosophy), full professor, professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: svet1206@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.11.2024;
одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 12.12.2024.*

*The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 12.12.2024.*